
А. А. КАЗАКОВ

СМЕНА ВРЕМЕН ГОДА В СТАТЬЯХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ РУБЕЖА XV–XVI вв.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена слабо исследованному вопросу о границах времен года на материале русских летописей последней трети XV – первой трети XVI в. Сохранились свидетельства, что эти представления могли отличаться от современных. Результаты исследования предварительны и далеки от исчерпывающего решения проблемы, но могут быть дополнены и скорректированы по мере ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова: историческая хронология, русское летописание, смена времен года, книжность Московской Руси.

Хронологические штудии, к сожалению, относятся к периферийному направлению в изучении отечественной истории эпохи Средневековья. Возможно, такое положение дел объясняется статусом хронологии как вспомогательной исторической дисциплины; определение «вспомогательной», вероятно, подразумевает необязательность такого рода исследований при работе с летописными источниками. В качестве примера можно привести хронологические особенности хорошо известного ученым летописчика рубежа XV–XVI вв. кирилло-белозерского старца Германа Подольного, в тексте которого составитель неожиданным образом использовал для погодных датировок вруцелета и соответствующий им мартовский стиль (Казakov 2023). На этот факт до недавнего времени не обращали внимания, может быть, из-за того, что в ту пору в хрониках возобладал сентябрьский год, в котором новолетие было приуроче-

---

* **Для цитирования:** Казаков, А. А. 2024. Смена времен года в статьях русских летописей рубежа XV–XVI вв.: к постановке проблемы. *Историческая психология и социология истории* 1: 189–203 DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.08.

For citation: Kazakov, A. A. 2024. Change of Seasons in Articles of Russian Chronicles at the Turn of the 15th – 16th Centuries: To the Statement of the Problem. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 189–203 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.08.

Историческая психология и социология истории 1/2024 189–203
DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.08

но к 1 сентября. Например, в официальном летописании конца XV в. запись за 6980 (1471/72) г. начинается так: «Мѣсяца септября 1 день в началѣ индикта, еже есть новое лѣто...» (Московский... 1949: 292).

Но если ситуация с новолетием была относительно стабильной – пусть с яркими, но все же единичными исключениями, – принципы смены сезонов в годовой сетке летописей остаются вопросом, едва затронутым в литературе. Отмечалось, правда, что «в документах XVI–XVII вв. деление года на сезоны встречается очень часто. Причем зима считалась с 25 января по 25 марта, весна – с 25 марта по 24 июня, лето – с 24 июня по 24 сентября, осень – с 24 сентября по 25 января» (Каменцева 2003: 45). Из приведенной выдержки не совсем понятно, однако, о каких именно «документах» идет речь. Наш опыт работы с рукописным наследием Иосифо-Волоколамской обители позволяет уточнить этот момент: в одном из манускриптов монастырской библиотеки первой половины XVI в. обнаруживается статья, касающаяся представлений о смене времен года. Приведем ее полностью: «Четърми времени круг лет вѣнчал еси. Зима от Родо (Sic! – А. К.) Христова до Благовещения, а днѣи 90 и день, и четверть дни. Весна от Благовещения до Купалници, а днѣи 90 и день, и четверть дни. Лето то от Купалници до Зачатья Иоанна дни Предтѣчи, а днѣи 90 и день, и четверть дни. Осень от Зачатья Иоанна Прѣдтѣчи до Рожства Христова, а днѣи 90 и день, и четверть дни. Си четверть, си времена 4 одинаковы вси» (Государственный...: 212–212 об.).

Как видим, смена сезонов в статье привязывается к крупным церковным праздникам: зима наступает на Рождество, 25 декабря¹, граница зимы и весны приходится на Благовещение, 25 марта. Лето начинается со дня Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня, и длится до праздника Зачатия Иоанна Предтечи, 23 сентября. Осень, соответственно, заканчивается в день Рождества Христова. Такое разделение года на сезоны, очевидно, представляет собой результат суждений средневекового книжника-христианина; это предположение подтверждается тем фактом, что все времена года здесь одинаковы, а границы между ними приходятся на дни церковных праздников.

---

¹ Здесь и далее все даты приводятся по юлианскому календарю.

(Упреждая замечание, что в статье праздник Рождества Иоанна Предтечи носит якобы не совсем христианское название Купальницы, отметим следующее. Во-первых, «купало» имело в древнерусском языке значение «креститель» [Срезневский 1893: 1369]. Во-вторых, название «Купальница» образовалось при помощи суффикса *-ница* тем же способом, что и название другого церковного праздника, Вербного воскресения – последнее неоднократно встречается в новгородском летописании в статьях третьей четверти XII в. при датировках некоторых событий. Например, в записи под 6705 мартовским годом: «Приде князь ис Церънигова Новугороду Яроплькъ Ярославичъ на врьбницу, настануцю лѣту мртъмь мѣсяцемъ...» [Насонов 1950: 43]. В новгородской письменности раннего периода такой способ словообразования был весьма распространенным [Николаев 1991: 157]. Поэтому, очевидно, для книжника-христианина название праздника Рождества Иоанна Крестителя, Купальница, не имело каких-то отрицательных, связанных с язычеством коннотаций. Они появились гораздо позже, в конце XVII в., в виде специфических представлений: «Сему Купалу бесу еще и доньше по неких странах безумнии память совершают, наченше июня 23 дня, въ навечерие Рождества Иоанна Предтечи...» [Мансикка 2005: 116]. Таким образом, связь с язычеством была не изначальной, а стала результатом замещения, при котором произошло полное искажение первоначального смысла названия).

Книжное происхождение статьи позволяет поставить вопрос о практическом значении представлений о смене сезонов. Разумеется, одной из главных сфер практического применения (или, наоборот, игнорирования) этих выкладок было летописание. И, поскольку волоколамский сборник содержит материалы, восходящие к концу XV в. (например, летописец, завершающийся изложением событий осени 1491 г.), и имеет признаки использования источников, относящихся к более раннему периоду, а именно к 1428 г. (Тихомиров 1962: 93), не будет ошибкой использовать выборку погодных статей за последнюю треть XV и первую треть XVI в. При этом рассматриваются записи, которые содержат не только указание на дату, число и месяц, но и на время года, а преимущественный интерес представляют указания на промежутки между 1 и 25 декабря, 1 и 25 марта, 1 и 24 июня, 1 и 23 сентября. Разумеется, обзор не претендует на исчерпывающую полноту, а представляет, скорее,

попытку обнаружить и по возможности объяснить тенденцию на наиболее выразительных примерах.

Разыскания относительно перехода *осень-зима* открывают несколько интересных моментов. Общее число событий, приходящихся на декабрь, но отнесенных летописцем к осеннему периоду, невелико. 1 декабря 1514 г. в Москву пришли послы великого князя Василия III Дмитрий Ласкирев и Елеазар Суков (Софийская вторая... 2001: 404), в декабре 1506 г. великий князь «отпустил» крымских послов (Софийская... 1994: 178), в декабре 1489 г. на службу к Ивану III перешел из Литвы князь Дмитрий Федорович Воротынский (Типографская... 1921: 206) – последние два сообщения точной даты не содержат.

Обнаруживается и иное направление. Так, поставление старца Троице-Сергиева монастыря Евфимия в епископа Сарского 18 декабря 1496 г. и Вассиана Стригина-Оболенского в епископа Тверского 6 декабря 1477 г. летописи относят к событиям «зимы» (Софийская... 1994: 171; Московский... 1949: 323). Так же обстоит дело и с возведением архимандрита Феодосия на Рязанскую кафедру 8 декабря 1471 г. в сообщении Московского свода конца XV в. (Московский... 1949: 292). Но в Типографской летописи под 6990 г. сказано следующее: «Тое же осени поставлен бысть Феодосей, архимандритъ Чюдовьскый, епископомъ на Рязань». Можно предположить, что составитель или сводчик Типографской летописи, не зная точной даты хиротонии Феодосия, произвольно отнес ее к осени 1471 г. Это тем более вероятно, что известие о возведении на кафедру Великого Новгорода Феофила 15 декабря того же 1471 г. Типографская летопись относит к событиям зимы (Типографская... 1921: 192). Новгородское же летописание сообщает об этом событии под 6979 г. следующее: «И тои осени поставиша нареченнаго на владычество Феофила месяца декабря 15, в неделю...» (Новгородская... 2004: 188). Кроме того, рассказывая о приезде 4 декабря 1475 г. великого князя в Новгород «с миром», местный летописец упоминает, что «на Николин день на осеннѣи», то есть 6 декабря, Иван III пировал «у князя у Василья у Шюиского» (Там же: 199; ср.: Типографская... 1921: 195). Можно осторожно предположить, что в новгородском летописании прослеживается тенденция рассматривать декабрь как осенний месяц. Если обратиться к памятникам раннего новгородского летописания, можно обнаружить за-

писи, подтверждающие такой вывод. Например, под 1388 г.: «Тои же осени, мѣсяца декабря въ 8, поиха владыка Иванъ на поставление владычества на Москву...» (Насонов 1950: 382). Но чудо, случившееся 30 ноября 1409 г. «въ церкви святого Михаила на Сквороткѣ», новгородский летописец относит к событиям «зимы» (Там же: 401). Поэтому критерии отнесения тех или иных событий ноября-декабря к осеннему или зимнему времени года в новгородском летописании размыты, зависят от ситуации и, возможно, привязаны к конкретным погодным условиям в тот или иной год.

В целом же, если говорить о границе осени и зимы в летописании последней трети XV – начала XVI в., то из приведенной выборки, не слишком обширной, можно сделать вывод, что тенденция причислять декабрь к осенним месяцам существовала, но была не единственной и тем более не доминировала. Кроме того, отдельные события декабря могли быть отнесены к осеннему периоду по ошибке.

Погодные статьи, в которых фиксируется граница *зима-весна*, в подавляющем большинстве случаев показывают, что летописцы относили март к зимнему времени года – хотя и здесь не обошлось без любопытных исключений. Так, в Типографской летописи среди событий «зимы» 1471 г. названа кончина ростовской княгини-инокини Марфы 23 марта (Типографская... 1921: 188). Это известие читается и в Софийской второй летописи, где следом помещена запись о том, что 13 марта «бысть гром и молонья, и дождь велик» – погодные явления, впрочем, не помешали приурочить их к происшествиям «тое же зимы» (Софийская... 2001: 169). Далее, под 1480 г. летописи сообщают, что зимой, 15 или 20 марта, «Бердулата царевича, Мердулатова сына, зарѣзал татарин его же...» (Софийская... 1994: 161; ср.: Московский... 1949: 326) – поскольку происшествие пришлось на среду пятой недели Великого поста, а в тот год Пасха праздновалась 2 апреля², верна первая дата. К зиме относят летописцы и время преставления архиепископа Ростовского Вассиана Рыло, 23 марта 1481 г. (Московский... 1949: 328; Типографская... 1921: 202; Софийская первая... 1994: 162), и дату кончины великого князя Ивана Ивановича Молодого, 7 марта 1490 г. (Типографская... 1921: 206–207; Софийская... 1994: 164–165). Согласно Вологодско-Пермской летописи, зимой, 1 марта

---

²Здесь и далее даты Пасхи приводятся по изданию (Grumel 1958).

1492 г., приходы Вологды были переданы в Пермскую епископию (Вологодско-Пермская... 1959: 287–288), хотя в других летописных сводах это событие отнесено к февралю (Типографская... 1921: 209; Софийская... 1994: 166). Как зимнее событие 1494 г. летопись упоминает выезд 10 марта Ивана III из Новгорода (Софийская... 1994: 170). События 1502 г., когда 9 марта «приходиша нѣмцы на Иваньгород», великий князь «отпустил» посла хана Большой Орды Ших-Ахмата «на пятой неделе поста в четверток» (Софийская... 1994: 175), то есть 10 марта, а Алексей Заболоцкий отправился с посольством в Крым 3 марта (Вологодско-Пермская... 1959: 295; Памятники... 1884: 382–383), тоже отнесены летописцами к зимнему периоду. Зимними, согласно летописцу, были литовские посольства 4 марта 1503 г. (Софийская... 1994: 175; Памятники... 1882: 363–364) и 21 марта 1507 г. (Софийская... 1994: 178). Кончина Нифонта, епископа Суздальского, 8 марта 1508 г. также принадлежит к событиям «зимы» (Там же: 178). Зимой состоялись дипломатические миссии 1509, 1515 и 1517 гг.: 8 марта 1509 г. к Василию III пришли «послы немецкие», 30 марта того же года Москву покинуло посольство крымского хана (Софийская... 2001: 388–389); 15 марта 1515 г. великий князь «отпустил» турецкого посла (Там же: 405); мартом 1517 г. отмечен в летописи приезд в Москву посла «от великаго магистра Пруссака Албрехта немецкаго чину именем Феодорыкус» (Там же: 407). Правда, по посольским источникам «Феодорыкус», или «Дидрик Шимборка», прибыл в Москву 24 февраля и отправился назад 11 марта (Памятники... 1887: 5–24), что принципиально дела не меняет. Под 1518 г. летопись сообщает о том, что «тоя же зимы марта 4... прииде к великому князю... на Москву от Царяграда от вселеньскаго патреарха Феолипта митрополить Григорей Грекъ...» (Софийская... 2001: 412). Зимой 1522 г. «марта 23, Даниль митрополить поставиль Иону епископомъ на Рязань» (Продолжение... 1859: 269–270). Наконец, две «зимних» летописных записи относятся к марту 1526 г. Первая, о поставлении архиепископов, архимандрита Макария «изъ Лужковъ» в Новгород, а Кирилла «отъ Спаса изъ Суздаля» в Ростов, датируется 4 марта. Вторая – о приходе послов из Казани в марте без указания числа (Там же: 271).

Как видим, события марта, отнесенные летописцами к зимнему времени года, многочисленны и разнородны по содержанию: здесь

и известия о смерти князей и иерархов, и записи о хиротониях, и большое число сообщений, касающихся посольских дел.

Количество мартовских записей, причисленных к весне, на порядок меньше. Среди них запись о выходе посольства Ивана Фрязина к папе Римскому из Москвы 20 марта (Московский... 1949: 281). Правда, в другом своде это событие датировано 3 марта (Вологодско-Пермская... 1959: 225). Любопытно и сообщение о приходе к Ивану III в 1475 г. «марта 26 на велик день» Семена Тобузина, посла из Рима (Вологодско-Пермская... 1959: 303); с одной стороны, оно погранично, поскольку наступление весны в источнике книжного происхождения привязано к празднику Благовещения 25 марта, но с другой – иногда «зимние» даты выходили за эту границу. К 1477 г. относится бытовая зарисовка: «Тоя же весны, марта мѣсяца 13 день, в среду среднюю поста, попреже священной поиде дождик мал. Написах того дѣля понеже от ведения богородици все были морозы великие и по тот день» (Летописный... 1962: 311). Под 1492 г. летопись упоминает, что в марте «отпустил князь велики крымского посла, да с нимъ послалъ своего посла къ царю Мин-Гирею Лобана Колычева» (Софийская... 1994: 166) – согласно посольским документам, это произошло 20 марта (Памятники... 1884: 135). Весной 1493 г. в субботу перед Вербным воскресением, которая пришлась на 31 марта, «погорѣ град Кострома весь» (Софийская... 1994: 167). В 1494 г. «весны марта 9» Иван III отправил послов в Литву (Там же: 168). В вербное воскресенье, 16 марта 1516 г., в Троице-Сергиевом монастыре скончался Серапион, бывший архиепископ Великого Новгорода (Софийская... 2001: 388, 406). Правда, есть иная дата кончины опального владыки – 16 мая (Типографская... 1921: 218), но она наверняка ошибочна, поскольку Типографская летопись в этой части восходит к краткому летописцу Троице-Сергиева монастыря (Насонов 1969: 386), в котором читается «марта 16» (Российский... Ф. 181. Оп. 4. № 365).

Подводя промежуточный итог, отметим, что достаточно обширная летописная выборка за март может служить подтверждением, что Благовещение было границей между зимним и весенним сезоном. Есть, однако, и нюансы. Во-первых, некоторые «зимние» события выходят за границу 25 марта, другие же «весенние» – наоборот, находятся в пределах этой границы. Впрочем, число тех и других невелико.

Рубеж *весна-лето* в русском летописании определяется не столь четко, как предыдущий. События первой половины июня, которые летописцы уверенно относят к весеннему сезону, немногочисленны. Первое из них – в статье 1489 г.: «Тое же весны июня въ 11 посылалъ князь великий Иванъ Васильевичъ всея руси рать свою на Вятку...» (Софийская... 1994: 164). При этом в некоторых летописях это событие датируется 11 июля, но все равно относится к весне (Типографская... 1921: 206). Следующее «весеннее» событие – смерть 12 июня 1499 г. Евфимия, епископа Крутицкого, за которой читается запись о возведении на Крутицкую кафедру Трифона, игумена Богоявленского, «того же лѣта июня 14» (Софийская... 1994: 172). Очевидно, последняя дата появилась в результате описки. Это, кстати, подтверждают другие летописи, где читается дата «июля 14, в недѣлю» (Летописный... 1962: 332; Софийская вторая... 2001: 358). Последнее такого рода событие «весны» – второй поход Василия III на Смоленск, начавшийся 14 июня 1513 г. (Софийская... 2001: 396).

Как видим, в летописях иногда происходила путаница с летними месяцами, «июнь» под пером составителя, сводчика или переписчика летописного текста превращался в «июль». Поэтому большой интерес представляет статья за 1481 г. о кончине брата Ивана III Андрея Васильевича Меньшого, удельного князя Вологодского. Летописцы часто приурочивают ее к весне; но в некоторых летописных записях точная дата отсутствует: «Тое же весны преставися благовѣрный и христоробивый государь, добрый ласковый князь Андрѣй Васильевичъ Меньший» (Типографская... 1921: 202; ср.: Софийская... 2001: 312); в других – говорится, что князь скончался 5 июля (Московский... 1949: 328–329; ср.: Вологодско-Пермская... 1959: 274), в третьих – 10 июля (Новгородская... 2004: 207). Очевидно, разрешить противоречие, исходя лишь из летописных текстов, невозможно; можно лишь предположить, что датированные записи содержат ошибку: либо князь умер не весной, либо не в июле.

«Летних» же событий июня не в пример больше. Это известия об избрании по жребию Сергия, старца Троице-Сергиева монастыря, на Новгородскую архиепископию 17 июня 1483 г. (Московский... 1949: 330), о кончине великокняжеского дьяка Василия Мамырева 5 июня 1490 г. (Летописный... 1962: 320), о нападении татар на алексинскую волость Вошану 10 июня 1492 г. (Софийская... 1994:

166), о посольстве в Литву 1 июня 1499 г. (Софийская... 1994: 172), о въезде великого князя в Воронцово 9 июня 1502 г. (Софийская... 2001: 368), о начале похода «третиею ратию ко граду Смоленску» 8 июня 1514 г. (Там же: 399). Но здесь следует сделать оговорку, поскольку формула «того же лета», которая предваряет эти летописные статьи, может указывать не на сезон, летнее время года, а на сам год. Так, в раннем новгородском летописании часто используются формулы «в то же лѣто, на зиму...», «тому же лету исходящую, на весну...», «томъ же лѣтѣ, осень...» (Насонов 1950: 32, 33, 35). При этом формула «того же году» в летописях практически не используется – за редкими исключениями, например в сообщении за 1483 г.: «Того же году родись у сына великого князя Ивана у Ивановича сынъ Дмитреи от Волошенки октября 10» (Софийская... 2001: 317; ср., однако: Софийская... 1994: 163).

Многозначность понятия «лето» порождала интересные казусы в историографии. А. И. Плигузов, обратившись к летописной статье за 1503 г., отметил, «что она содержит датированные известия за 23 октября 1502 г. – 7 мая 1503 г. и три дополнительных записи: о церковном соборе в Москве, о прибытии крымского посольства в Москву, о болезни Ивана III». Дата начала болезни Ивана III, 28 июля, впервые встречается в Иоасафовской летописи 1520-х гг. в виде приписки на полях, откуда попадает «и в последующие своды». Все приведенные факты позволяют усомниться в справедливости приведенной в летописи последовательности событий, поскольку соборные приговоры датированы либо 6 августа, либо 1 сентября 1503 г. – последнюю дату он считает более достоверной, поэтому и заседания собора относит к рубежу августа – сентября 1503 г. (Плигузов 2002: 335–337).

Непосредственное обращение к летописному своду 1518 г., на который опирался в своих построениях исследователь, обнаруживает более сложную картину. Во-первых, летописные записи действительно заканчиваются известиями о двух соборных заседаниях, о вдовых погах и взимании ставленнических пошлин, приходе послов от «царя» и начале предсмертной болезни великого князя – все они помечены как события «того же лѣта» (Летописный... 1962: 336–337). Очевидно, датировка может быть как широкой, включающей целиком сентябрьский 7011 г., период с сентября 1502 по август 1503 г., так и узкой, относящейся лишь к летним

месяцам 1503 г. А. И. Плигузов, если исходить из его построений, второй вариант даже не рассматривает.

Во-вторых, если говорить о посольских делах, в Москву приходили татары с грамотами от крымского хана Менгли-Гирея 9 июля 1503 г. (Памятники... 1884: 472), что вкупе с последующим известием о болезни Ивана III едва ли позволяет говорить о нарушении последовательности событий. Но вопреки утверждению А. И. Плигузова, в летописной записи 1503 г. речь идет не о дипломатической миссии из Крыма, а о посольстве из Большой орды: «Того же лѣта прииде посол Шиахматов царев Аллиар, а брата его Хозяк-салтанов посол Кем-Оурус». В свою очередь, эта запись является сокращением, причем дефектным, соответствующего известия предшествующего свода под тем же 1503 г.: «Того же лѣта приде посол Шиахматовъ царевъ Аллиаръ, а брата его Хозякъ-салтановъ посоль Хозя же а Багатыревъ-салтановъ посоль Кемоурюкъ» (Софийская... 1994: 176)³. Послы хана Большой орды Ших-Ахмата, Чатырбай и Аллагьяр, приходили к великому князю в 7011 сентябрьском году, тогда же приходил в Москву и посол брата Ших-Ахмата, царевича Багатыря, Кемерус – об этом известно из наказа Ивана III Ивану Берсеню-Беклемишеву, выехавшему из Москвы в Крым 23 февраля 1503 г. (Памятники... 1884: 456). Поскольку посольства из Большой орды пришли раньше этой даты, можно сделать вывод, что в завершающих погодную статью 1503 г. записях действительно имеет место хронологическая нестыковка. Но она вполне объяснима, если учесть, что посольство от Ших-Ахмата в тот год было не единственным: в грамоте Менгли-Гирею, отправленной 22 августа 1503 г., от имени Ивана III сказано следующее: «А царь Шигъ-Ахметъ сего лѣта присылалъ ко мнѣ съ моими людьми посла Булгаира Китаа...» «Лето» здесь, очевидно, означает время года, поскольку в той же грамоте ранее используется оборот «сеѣ зимы» в сообщении о венгерском и литовском посольствах в Москву (Там же: 481–482). Можно предположить, что приход второго посольства от Ших-Ахмата летом 1503 г. стал поводом к внесению в летописный текст известий о первом посольстве, которое состоялось ранее, вероятно, на рубеже 1502–1503 гг.

---

³ Приведенное разночтение позволяет скорректировать утверждение о текстологической зависимости Софийской первой летописи по списку И. Н. Царского от свода 1518 г., на котором настаивает А. И. Плигузов (2002: 336, прим. 21).

В-третьих, соборные заседания лета 1503 г. могли состояться не на рубеже августа и сентября, а гораздо раньше, на что, кстати, указывает дата соборного приговора, 6 августа, отвергнутая А. И. Плигузовым, мнение которого было подвергнуто критике другими исследователями (Алексеев 2002: 280–281). Известно, что Иван III пытался присоединить церковные земли, в частности вотчины Троице-Сергиева монастыря, к своим владениям, но получил отпор от иерархов; против инициативы великого князя держал речь и архиепископ Геннадий Новгородский. Но о его появлении в Москве известно из летописной записи, которая рассказывает о соборных заседаниях о вдовых попах и пошлинах за поставление священнослужителей «того же лѣта» 1503 г. (Софийская... 1994: 176; Летописный... 1962: 336). Поэтому поземельный вопрос вполне мог обсуждаться параллельно с дисциплинарным. Кроме того, поводом к наступлению на церковное землевладение стало событие, которое надо приурочить к весенним полевым работам 1503 г.: гнев Ивана III вызвал чернец Конан, нарушивший при пахоте межу с великокняжескими землями. Завершение конфликта из-за церковных вотчин, по всей вероятности, было связано как раз с болезнью великого князя, «прииде же посѣщение от бога на великаго князя самодержца: отняло у него руку и ногу и глаз» (Бегунов 1964: 352). Таким образом, о противоречии или нарушении последовательности изложения в записях, завершающих летописную статью за 7011 сентябрьский год, следует говорить по меньшей мере с осторожностью. Ключевым маркером, по которому все эти события можно отнести к июню – концу июля 1503 г., когда Ивана III постиг удар, служит указание «того же лѣта», которое в данном случае указывает скорее на время года, а не на год вообще.

Наиболее очевидным образом обстоит дело с определением границы *лето-осень*, поскольку прямые признаки того, что сентябрь рассматривался в летописании как летний месяц, отсутствуют. Косвенные признаки основаны лишь на предположении, что в некоторых случаях фраза «того же лета сентября» указывает на время года, лето, а не на год вообще. Так, под 1471 г. в летописании сохранилась следующая запись: «Того же лѣта мѣсяца септября въ 2 день поидоша из Новагорода изо осады многое множество людей...» Можно предположить, что «лето» в данном контексте имеет значение сезона, что, впрочем, не подтверждается последу-

ющим сообщением: «Тое же осени мѣсяца того же сентября въ 10 приде из Венецѣи Онтон Фрязинь...» (Московский... 1949: 292).

Интересна и завершающая 7018 сентябрьский год запись о возведении «того же лѣта» кирпичной церкви в Старом Симонове – речь здесь идет, скорее всего, о летнем времени года, когда сподручнее было вести строительные работы. Завершается статья сообщением об освящении построенного храма митрополитом Симоном «мѣсяца септевриа в 1, в неделю» (Летописный... 1962: 345), но непонятно, относилось ли это событие к летнему сезону.

Известий о сентябрьских событиях, которые летописец относит к осени, немного. Так, в 1496 г. «осени сентября 18 в неделю» была освящена церковь Преображения «в монастыри на Новом» (Софийская... 1994: 171), а под 1501 г. летопись сообщает о прибытии «того же осени сентября» в Москву посла «от кафиньского салтана Шах-зоди, Баязит-салтанова сына именем Алакоз о любви» (Там же: 174).

Казус представляет собой запись об аресте архиепископа Феофила Новгородского под 1479 г., «того же зимы сентября в 9» (Московский... 1949: 326). Запись, разумеется, содержит ошибку, поскольку из иных летописей известно, что великий князь «поимал» Феофила зимой 1480 г., 19 января (Новгородская... 2004: 2001).

Таким образом, наступление осени сложно приурочить к празднованию Зачатия Иоанна Крестителя 23 сентября, во всяком случае, на материале летописей рубежа XV–XVI вв.

Подводя итог обзору, отметим следующее. Летописный материал, на основе которого можно составить представление о границах времен года в Московской Руси последней трети XV – первой трети XVI в., достаточно обширен, а содержание записей, в которых упомянуты не только дата события, но и время года, довольно разнообразно. При этом в летописях нигде не фиксируются точные даты перехода от сезона к сезону – в задачи летописцев это явно не входило.

Вместе с тем на основе приведенного материала можно сделать вывод, что март рассматривался как зимний месяц и исключения из этого правила встречаются нечасто. По всей вероятности, наступление весны связывалось непосредственно с праздником Благовещения, хотя, повторимся, прямых свидетельств этому нет, но и случаи, когда к зимнему периоду отнесены события, датированные

30 марта, единичен. С другой стороны, основываясь на летописном материале, сложно сделать однозначный вывод, имели ли эти представления книжный характер или непосредственно определялись климатическими условиями. Тем не менее факт остается фактом: летописцы в подавляющем большинстве случаев записи, помещенные под мартом, относили к зимним.

Менее уверенно следует связывать наступление лета с праздником Купальницы, или Рождества Иоанна Предтечи: события, датированные преимущественно второй декадой июня, летописцы нечасто относят к весенним. Но игнорировать даже эти немногочисленные случаи тоже нельзя. Поэтому здесь можно говорить о ситуативности подхода. Кроме того, следует учитывать тот факт, что само понятие «лета» в летописном материале имеет два значения: широкое, как непосредственно год, и узкое – как летнее время года. Определить, какое значение вкладывает летописец в шаблонное выражение «того же лета, июня», крайне сложно.

Граница лета и осени в летописях вообще представляет загадку. Связано это главным образом с тем, что 1 сентября в рассматриваемый период – повсеместно утвердившаяся дата новолетия. Поэтому в сентябрьских записях «того же лета» речь идет, скорее всего, о событиях, приуроченных к начавшемуся году.

Наступление зимы в летописных записях вариативно: одни летописцы относят декабрьские события к зимним, согласно другим, число которых не столь велико, границу наступления зимы можно отодвинуть по крайней мере к середине декабря. Весьма показательным, что в летописном своде новгородского происхождения празднование памяти Николая Чудотворца 6 декабря названо «Николиным днем осенним». Этот пример может свидетельствовать о том, что наступление декабря не воспринималось как начало зимы.

Разумеется, нужно отметить и наличие в рассмотренных погодных записях очевидных ошибок, таких как отнесение сентябрьских происшествий к зиме или июльских к весне. К сожалению, в рамках настоящего предварительного обзора нет возможности объяснить причины возникновения этих ошибок, которые, по всей вероятности, появлялись не только в результате банальных опечаток сводчиков и переписчиков хроник. Очевидно, продолжение разысканий в том же направлении на основе более проработанных подходов к анализу летописных текстов позволит прийти к более со-

держательным и обоснованным выводам о воззрениях на смену времен года и продвинуться в понимании вопроса о взаимодействии книжных представлений с повседневными практиками русского Средневековья.

Литература

Алексеев, А. И. 2002. *Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в.* СПб.: Алетейя.

Бегунов, Ю. К. 1964. «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики о борьбе Ивана III с землевладением церкви. В: Лихачев, Д. С. (отв. ред.), *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 20. М.; Л.: Наука.

Вологодско-Пермская летопись. 1959. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Казаков, А. А. 2023. Летописчик белозерского старца Германа Подольного рубежа XV–XVI вв.: хронологический аспект. В: Смирнов, Я. Е. (науч. ред.), *История и культура Ростовской земли*. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», с. 70–75.

Каменцева, Е. И. 2003. *Хронология: учеб. пособие для студентов вузов*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс.

Летописный свод 1518 г. 1962. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 28. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Мансикка, В. Й. 2005. *Религия восточных славян*. М.: ИМЛИ РАН.

Московский летописный свод конца XV века. 1949. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 25. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Насонов, А. Н. (ред.)

1950. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

1969. *История русского летописания XI – начала XVIII в.* М.: Наука.

Николаев, Г. А. 1991. Формы именного словообразования в языке XII в. В: Колесов, В. В. (отв. ред.), *Древнерусский язык домонгольской поры: межвузовский сб.* Л.: Изд-во ЛГУ, с. 155–164.

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. 2004. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 43. М.: Языки славянской культуры.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. I: с 1474 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России. 1884. В: *Сборник Русского исторического общества*. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516–1520 гг. 1887. В: *Сборник Русского исторического общества*. Т. 53. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год). 1882. В: *Сборник Русского исторического общества*. Т. 35. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о.

Плигузов, А. И. 2002. «Соборный ответ 1503 г.». В: Плигузов, А. И., *Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия*. М.: Индрик, с. 331–386.

Продолжение Летописи по Воскресенскому списку. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 8. 1859. СПб.: Тип. Эдуарда Праца.

Софийская вторая летопись. 2001. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры.

Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. 1994. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 39. М.: Наука.

Срезневский, И. И. 1893. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб.: Тип. Имп. академии наук.

Типографская летопись. 1921. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 24. Пг.: 2-я Гос. тип.

Тихомиров, М. Н. 1962. *Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы*. М.: Изд-во АН СССР.

Grumel, V. 1958. *La Chronologie*. Paris: Presses Universitaires de France.

Архивы

Государственный исторический музей. ОР. Епархиальное собрание, 410. Сборник смешанного содержания. Вторая четверть XVI в.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 181. Оп. 4. № 365. Сборник смешанного содержания. XVII в.